«… И все еще живу!»

Category: Kitapcy,Ýatlamalar
написано kitapcy | 24 января, 2025
«… И все еще живу!» «…И ВСЕ ЕЩЕ ЖИВУ!»

Поэт Ораз Ташназаров – один из основоположников туркменской советской литературы, стоявший у истоков писательской организации республики.
В 1937 году О.Ташназарова – тогда редактора республиканской газеты «Совет Туркменистаны» – репрессировали как «врага народа». Долгие годы его имя нигде не упоминалось. Арестованы была и его жена Елизавета Ефимовна.
Предлагаем вашему вниманию документальную повесть о судьбах этих двух удивительных людей.
Елизавета Ефимовна и поныне здравствует, живет в Ашхабаде. Писатель Аллаяр Чуриев неоднократно встречался с ней. Ее воспоминания тех лет и легли в основу повести. По сути перед вами бережно воссозданный писателем монолог женщины, прошедшей через немыслимые испытания и сохранившей, несмотря ни на что, веру в торжество справедливости, в правду и человечность.

Мы с Оразом познакомились в 1930 году, в июне. В нескольких домах от нас находилось общежитие туркменских студентов. Как-то мама шла очень поздно по дороге, а один парень – Тачмурад Оразов шел за ней. Догнал ее и говорит: «Что же вы так поздно, женщина, одна идете? Давайте, я вас провожу». И проводил. Мама говорит: «Ну, теперь уж войдите в дом. Познакомлю вас со всей своей семьей». Он сел, налили ему чай. «А что, – спрашивает, – это все ваши дети? И эта рыженькая тоже ваша?» – и на меня смотрит. Мама говорит: «Да, моя». «Хорошая невеста была бы моему другу, писателю». А я и не обратила на это внимания. Гость тем временем и вправду договорился с моей старшей сестрой. Говорит: «Здесь в Троицком, за мостом через Москва-реку, есть дома отдыха. Там не только туркмены отдыхают, а еще таджики, казахи. Я, – говорит, – провожу вас туда. И познакомлю вашу сестренку с очень хорошим человеком».

Я не знала, куда меня ведут, зачем. Приходим. Веранда. На веранде – огромный стол. сидит человек 20 мужчин. Есть очень красивые. И особенно – один, с обритой головой. Как начнет говорить – все замолкают. Ну, что за черт! Я на него один раз посмотрела, другой. И не могу оторвать глаз. Тут у меня сердце упало.

Кончился обед. Тачмурад говорит: «Пошли в лес»… Сестра и еще один отдыхающий – Али – стали спускаться с веранды, а я, как самая младшая, – после них. И вдруг сзади меня – этот бритоголовый. «А вы куда, зачем?» – спрашиваю. Он говорит: «А я за тобой, на всю жизнь». И взял меня за руку, так крепко-крепко.

А 14 июня Ораз к нам домой приехал и сделал мне предложение. 30 июня мне исполнилось 17 лет. Он пришел на мой день рождения и принес мне духи. Представляете, первый раз я получила духи от мужчины…

Оба друга – Ораз и Тачмурад зачастили к нам. И каждый раз Ораз повторял: «Отдайте за меня Лизу!» Отец говорит: «Ей же только 17 лет». «Хорошо, отдайте только слово. Я буду ждать». Он ждал, часто приезжал. Училась я тогда в техникуме. Я учу уроки в одной комнате, а он в другой с отцом сидит, о политике разговаривает. Умница был. Вдруг уезжает в Ашхабад! А перед этим он мне говорит: «А знаешь, какую роль сыграла ты в моей новой поэме?» «Какую?» «Я, – говорит, – написал поэму «Батрак» на туркменском языке. Так вот, у меня никак не выходило описание девушки. А когда тебя увидел – понял: ты и есть! Я тебя в поэму включил». Уехал. Писал оттуда мне письма. Они у меня хранились до ареста. А когда арестовали, то все конфисковали… Так вот, пишет, что «мою поэму приняли в штыки. Пришлось дойти до ЦК. И только ЦК разрешил в 1931 году выпустить книгу». Второй раз поэму «Батрак» издали на туркменском языке только в 1960 году.

Свадьба была 21 января 1931 года. У меня не было паспорта, 18 лет не было. Я пошла в техникум, взяла свое свидетельство о рождении, и в нем сделали пометку о регистрации брака. Оно у меня и сейчас хранится. На свадьбе у нас был Чары Веллеков с женой Галей – тогда он был секретарем ЦК, Сахатмурадов был на

свадьбе – он в те дни приезжал за чем-то в Москву. Собрались все за столом. Никаких подарков нам не было. Единственное, что мама принесла, – две чашечки с позолотой и блюдечки. «Вот тебе приданное, – говорит, больше у нас ничего нет». А на улице машина стояла. Огромная, семиместная, правительственная. Потом мы сели в машину. Отвезли меня в Филипповский переулок, в дом № 22. Там у Ораза была комната. Там остановился и секретарь ЦК. Утром нас пригласили на чай. Матрена Сергеевна, – комендант, поставила самовар, какие-то булочки. Когда мы вошли, все встали, почему-то начали меня целовать в лоб.

В первых числах мая Ораза направили в Туркмению. Туда его направил Луначарский по сбору фольклора (Луначарского я видела 2 – 3 раза в жизни). Вот так я и приехала, в Ашхабад. Приехал к нам вскоре его отец Тачназар. Красивый старик. Такой аккуратный весь. Вот однажды сидели, пили чай на ковре. Вдруг отец его говорит: «У нее косы привязаны, такой толщины косы не могут быть! Расплети, пожалуйста. И расчеши, – говорит, – при мне». Я расплела косы. Стала расчесывать. Он как вскочит с ковра! И начал меня целовать. «Какая ты красавица, какая ты молодая»… Ораз мне переводил. Стал отец к нам часто приезжать. Привозил сушенную дыню… Через некоторое время Ораз отправил к своему другу Ансиеву в Багир. Там меня начали учить туркменскому языку. Я за две недели очень много слов заучила. Целые фразы. А когда он приезжал – я встречала, по-туркменски говорила. Он был так рад, что я стала учить язык!

Ораза очень уважали. Вы знаете, он никогда не повышал голоса. Он все размеренным голосом говорил, и все как-то слушали. Осенью мы поехали в Москву. 16 октября у нас родился сын. Ораз меня в роддом проводил и уехал на Лесную, к друзьям. И там расплакался. «Что такое?» «Не дай бог, Лиза умрет». «Господи, женщина рожает. Ну что тут особенного?» А наутро пришел. «Сын», – говорят. Он плясал от радости. Когда Арслану исполнилось 40 дней, Ораза направили в Ашхабад, завкультпромом ЦК. Жить было негде, и поэт Веселков уступил нам комнату. И только в начале февраля 1932 г. мы переехали на улицу Некрасова, 42. Потом переехали на ул. К. Маркса. Ораз в этот период написал поэму «Байрам-Али». Первая часть была издана на

туркменском языке. Вторую часть он, по-моему, не закончил.
Много Ораз писал и критических статей. Первым литературным критиком в республике был. А в 1932 году организовался Союз писателей ТССР. Вы знаете, где это было? Это было в здании на углу улиц Энгельса и Гоголя. Ораз возглавил Союз писателей, а потом участвовал в работе I съезда писателей СССР. Я тоже поехала в Москву и каждый день была на съезде. Если я на утреннее приезжала, то и оставалась и на вечернее. На съезде Ораз выступал с докладом. В съезде участвовали Веселков, Аман Кекилов, Ходжанепес Чакрыев… Между прочим, Чарыева тоже арестовали в 1937 году. Когда его выслали, я сидела с ребенком на крыльце больницы в тюрьме. Он мимо проходил и говорит: «Лиза, прошу тебя, передай всем нашим, меня ссылают». А я так и не нашла никого из Чарыевых. И не знаю, был ли кто-нибудь из них в Ашхабаде.
После съезда был банкет, 30 июня. На этом банкете Отто Юрьевич Шмидт был, Горький. Когда меня Ораз подозвал к Горькому, тот сразу посмотрел на меня внимательно, а потом вдруг погладил мои волосы: «Какие же косы!»
Михаил Ефимович Кольцов со мной вальс танцевал на этом банкете. Банкет был очень красиво устроен. Танцы были, артисты были видные. А вы знаете, Теодор Драйзер был на I съезде! Он был в туфлях на толстых подошвах и гольфах в клетку. Коленки были голые. Рубаха какая-то, как у ковбоя. В перерыве мы с Оразом разговаривали в кулуарах. И вдруг к Оразу подходит Драйзер и говорит: «Что за красавица такая стоит?» Ораз по-английски знал прекрасно. Он говорит: «Моя жена. Познакомьтесь Елизавета Ефимовна Ташназарова». И мы познакомились. Драйзер долго разговаривал по-английски с Оразом. И говорит: «В России еще есть такие женщины!» Я ему, видимо необыкновенно понравилась. Во время съезда Веселков закончил перевод на русский язык «Батрака» и дал Фадееву прочитать. Фадеев прочитал и говорит: «Сейчас же будем печатать». Поэма в 1934 году вышла на русском языке. Этой книжки у меня нет. Конфисковали. Отдельные экземпляры сохранились в библиотеке им. В. И. Ленина в Москве и у нас, в библиотеке им. Карла Маркса.

В 1935 году была конференция лингвистов, приехали из многих стран. Ташназаров делал доклад. Притом, очень интересный . поскольку, он знал многие языки, так он, значит, спросил: «На каком языке делать доклад?» И перечислил русский, туркменский, английский, арабский, таджикский, украинский и еще какой-то. Ему говорят: «Мы все знаем русский язык. Говори по-русски». На эту конференцию приехал, профессор Самойлович из Ленинграда. Он мне очень много рассказывал об Оразе. Считал, что Ораз— вообще необыкновенный человек. Необыкновенный, какой-то милый, очень понятливый, хорошо подкован политически. Хотя, говорил, его не очень ценят здесь. Он был прав. Потому что у Ораза Ташназарова было и много врагов.

У Ораза была бабушка, отцова мать. Она была афганка. Она умерла в 1935г., 136 лет ей было. И к ней приезжали специально люди, чтобы она все, что видела в своей большой жизни, рассказывала. У бабушки был Георгий Карпов, который записывал весь ее рассказ. Тогда он жил в Байрам-Али, потом переехал в Ашхабад. Он у нас часто бывал, с Оразом был в очень хороших отношениях. Говорят, в землетрясение он погиб. Так вот, у Карпова было несколько толстых тетрадок, в них записаны все сказки и рассказы бабушки Ораза, и он их нам читал. Мы сидели — электричества тогда не было — под десятилетней лампой, а он читал. Иногда мы всю ночь не спали, только слушали все то, о чем бабушка Ораза говорила. Бабушка рассказывала как они переезжали из аула в аул, как страдали, как мучились — не было ни хлеба, ничего. Как их эксплуатировал бай. А чтоблы баем был отец Ораза — никогда! Это придумали, чтобы оклеветать его.

Атабаев, Айтаков, Попок Ораза очень ценили. В гости ходили. Ораз ведь плов готовил замечательно! Я помню, Недирбай Айтаков позвонил по телефону и говорит.

— Лиза, скажи Оразу, пусть придет в такое-то время. Приходи и ты с Арсланчиком. Плов чтоб он приготовил. Так хочется его плов поесть…

Мы пришли Ораз приготовил плов.

В 1935 году вышла кинокартина (она еще была немая) на нашем «Туркменфильме» — «Я вернусь» по поэме Ораза Ташназарова. О ней писали центральные газеты. На улицах трудящиеся колоннами

собирались и шли посмотреть эту картину.
Мы с Оразом поехали в Москву, когда там шла эта картина. Билета ни в одном кинотеатре невозможно было купить. Стояли в очереди. А рекламы-то никакой не было. Просто – «Я вернусь», «Туркменфильм» – и все тут. Мы жили в гостинице «Метрополь» рядом с гостиницей – кинотеатр. Меня – я ребенка ждала – пропустили вперед в очереди, и я купила два билета. Мы пошли с Оразом в кино. Принимали – просто прелесть! А Ораз все прислушивался как, кто, что? Когда вышли из кино. Ораз даже остановился, слушал, кто что говорит об этом. Все говорили очень хорошо, принимали фильм всем сердцем.
В Москве в гостиницу «Метрополь» к нам пришел как-то раз Борис Пастернак. Это был очень интересный человек. Стройный такой, высокий очень любезный. Он мне очень понравился. Взял у Ораза два стихотворения, чтобы перевести на русский язык. Ораз здесь же сделал подстрочник. Сидел он с нами часа полтора. Разговаривали. Потом я еще несколько раз видела его.
В 1936 г. Ораз В Москве с Радеком встретился. Он на курсах повышения редакторов газет учился, а Радек им читал лекции. Ораз когда приехал, мне рассказывал о нем. Говорил: «Какой-то у него необыкновенный ум. Так преподает – все понятно! Нет ни одного слова, которое было бы непонятно кому-нибудь. Притом, он говорит очень конкретно, больше того – говорит даже о том, о чем боятся говорить люди». Но потом его расстреляли. Такую умницу, как Карл Радек, – вдруг расстрелять.
В 1937 году, в первых числах февраля, было 100-летие Пушкина. На торжественном собрании О. Ташназарову вручили бронзовую медаль с барельефом поэта и ковер с портретом Пушкина. Назвали Ташназарова первым советским поэтом Туркмении. Ковер у нас несколько дней был дома. Потом Ораз отнес его к себе в редакцию и повесил над письменным столом. В том году я училась на зубопротезном. Только пройти практику мне не дали. Посадили в тюрьму. Когда вышла из тюрьмы, пошла за справкой. Потом, когда я в Воронеже жила, там есть мединститут, и я решила поступить туда. Так вы знаете, меня с лестницы спустили … «Врагов народа не принимаем».
21 июля 1937 года Ораз был репрессирован. Я не знаю, как

назывался тот лагерь, но туда ссылали без права переписки. Где-то он за Колымой, что ли, мне никогда не говорили, где именно, хотя я обращалась несколько раз в Москву. Есть у меня свидетельство о его смерти. Причина смерти написана — «язва желудка». Что интересно, он никогда не болел желудком. Он был такой здоровяк, ничем никогда не болел! Когда забрали, ему было 33 года, а когда умер — 38 лет. Когда его арестовали, он работал редактором газеты «Совет Туркменистаны».

В тот день, когда Ораза арестовали, вся семья: моя мама, дети — Арслан, Гульнара и я (а мне оставался только месяц до родов), находились в Чули. Там была правительственная дача. Айтаков, Сахатов и Ташназаров вечером 21 июля были в театре в Ашхабаде. Когда они вернулись, их схватили. У Курбана Сахатова делали обыск, у Айтакова. И у нас, в семье Ташназарова. 22 июля мы выехали из Чули. За нами приезжал из Ашхабада шофер Ораза, которого послал Хусейнов, заместитель Ташназарова по редакции. Я приехала в город. Ночью меня тоже арестовали. Дети остались с моей матерью. Беременную женщину пришли пять человек арестовывать! Обыск в квартире уже вчера был сделан. Там у нас печка голландская была, так из нее угли все были выброшены на пол. Перевернуто все. Даже один матрац был вспорот. А у нас ничего не было. Мы жили очень скромно. Золото не прятали. У меня были золотые серьги, которые подарил крестный отец. Я всю жизнь их носила, до тех пор, пока не вышла замуж за Ораза. Он их снял и отдал мне. И говорит: «Жена коммуниста не должна носить золото». Так я больше их никогда не видела. Потом, в 1932 году, когда было очень трудно, мама их с дала в торгсин.

И вот меня арестовали, посадили в тюрьму. Я пробыла там полтора года. Сидела в ашхабадской тюрьме, на Стекольной улице. Посадили 22 июля, а 8 августа пришли мое дети, мама их привела попрощаться со мной, она уезжала в Москву. Сынишка мой, было ему 6 лет, сказал: «Все, все взяли. Нас выгнали, мы на улице. Даже игрушки, мама, не дали». Ну вот, мама с детьми уехала. А у меня брат работал в НКВД в Московском отделении, и он сказал: «Я не потерплю в моем отчем доме детей врагов народа. Нужно отдать детей в детдом». Приехали с фургоном и

забрали Арсланчика и Гульнару. Потом Гульнарочка заболела воспалением легких. И тогда мой отец – старик начал везде хлопотать, чтобы ему ее удочерить. Ему разрешили. Она осталась в семье моих родителей. А сына я после искала ровно 10 лет.

Но хватит о нас. Будем говорить о Ташназарове. Оразу в дни этих страшных событий было всего 33 года. Он родился в 1904 году, 25 мая, в ауле Акгонгур Тедженского района. Учился в Акгонгуры у муллы. В 1919 году он был при армейском совете в партшколе, учился там всего 3 месяца. После школы его направили в Куня-Ургенч командиром 1-го Туркменского отряда. Он еще там работал и переводчиком. В августе 1921 г. был демобилизован. Ораз приехал в Теджен, стал работать в волисполкоме, в агитационном отделе, а потом был назначен председателем волисполкома. В 1922 г. стал секретарем обкома комсомола и вскоре уехал в Ленинград учиться. В 1925 г. опять отозван в Туркмению, назначен секретарем окружкома партии в Ташаузе. В 1927 г. избран членом исполбюро ЦК КП(б)Т. после этого он вновь поехал в Ленинград, учился там в педагогическом институте. Жил он у профессора Самойловича, был его любимцем. Ораз схватывал все науки на лету, а потом умел и другим передать все, что знал. Он был вообще удивительный человек! В 30-м году приехал в Москву, стал учиться в институте народов Востока. А дальше мы шли по жизни вместе…

20 лет носили мы и дети клеймо семьи врага народа. А мы никакими не были врагами! Мы же были чистыми людьми всю жизнь! А Ораз так много отдавал своего здоровья и сил, знаний для народа. И вдруг – взять его и арестовать. Это же кошмар какой-то. Ведь Ораз не знал, что и меня арестовали, беременную. Только позднее ему передали, что родился сын.

Младшего сына я назвала Игорем. Тогда Нодев был в республике наркомом внутренних дел. И вот он сказал: «Пусть рожает в тюрьме. Врагов народа нечего возить в родильный дом». Роды были очень тяжелыми. Трое с половиной суток истекала кровью. Когда ребенок родился, тогда только пришел врач, его вызвали откуда-то. Завернуть ребенка было не во что. Я с себя сняла рубашку, завернула. Хорошо что в камере со мной сидели женщины. Вот они мне давали, кто свою кофту, кто юбку, чтобы

завернуть ребенка во что-нибудь. Помню один допрос был жуткий, кошмарный. Ребенку было три месяца. Оставила его одного в камере… Я не помню фамилии следователя, этого зверя. Так оскорблял, ужас. Я стою около стены, уже несколько часов. Ребенка надо кормить, у меня молоко течет. «Сука…» – кричит. Я говорю: «Я же замужняя женщина. У меня муж есть. Только вы его взяли» Ох, пуля пролетела около меня… Опалило немножко висок. У Веселкова есть стихотворение, как раз там об этой пуле, я ему этот эпизод рассказала.

Я все вытерпела. С допроса прибежала к ребенку, а он уже синий весь, кричит. А потом еще одну женщину с ребенком привели, муж у нее был в политотделе железной дороги. Сейчас не помню фамилии. Она армянка, Розой ее звали. Ребенку было 5 месяцев, а у нее не было молока. И мне пришлось и своего, и ее сына кормить. Кормила, пока не забрали всех детей. Моему было 11 с половиной месяца. А вот тому было больше, год и два месяца, что ли. Сын очень кричал: «Ма-ма, ма-ма». Он уже много слов знал. Его унесли. С жутким скрипом, лязгом железные ворота за ним закрылись навеки. Два с половиной месяца у меня не пропадало молока. Я сидела уже в общей камере. Когда меня привели туда с забинтованной грудью, то женщины плакали. Там было очень много женщин. 100 с лишним человек. Нары были двухэтажные. У меня было место под нарами, на цементном полу.

На всю жизнь запомню дату – 24 октября 1938 года. В этот день пришел управляющий тюрьмой. И спросил: «Как вы себя чувствуете?» Я говорю: «Как ни странно, у меня сегодня пропало молоко». Он ничего не сказал, ушел. Оказывается в этот день у меня умер сын. Через три месяца после его смерти меня выпустили. Я побежала в дом матери и ребенка. Прибежала говорю: «Здесь Игорь Ташназаров, отдайте мне». А они говорят: «Он ведь умер от тоски по матери. Давно уже». Больше я ничего не помню. Когда очнулась, стала спрашивать: «Почему?» Они говорят: «Когда его сюда привезли, мы были поражены этим ребенком – необыкновенно развит, очень красивый. Думаем, как это можно – женщина родила в тюрьме, а такой ребенок редко бывает у хороших матерей на свободе!» Он ничего не стал есть. В тюрьме-то он только хлеб ел. Нас там черным хлебом кормили,

он был как замазка. Так вот, говорят, кашу манную он не мог есть. И все время кричал: «Ма-ма, ма-ма!». Какая-нибудь женщина подойдет – «Ма-ма, ма-ма!». Потом – «Нет, нет!» И опять плачет, и плачет. И так до последнего дня он все время, как увидит какую-нибудь женщину, кричал: «Ма-ма, ма-ма!», «Нет, нет».

Прошло столько лет. А я все помню. Разве забыть, как 8 августа 1937 года в 12 часов дня мама в тюрьму привела детей ко мне проститься. Дочку я несла на руках. Сзади, конечно, шла охрана, а Арслан взял меня так вот за халат, и тоже кричит: «Ма-ма, ма-ма!» Ох, и долго продлилась разлука. Увидела я сына снова, когда ему было 16 лет. Я столько слез пролила, что и сказать не могу. Вот письмо, его мне передала Аксентьева, она работала в библиотеке Союза писателей СССР. Ей в Москву как-то раз вот это письмо прислали. Его наш сын Арслан написал в Ашхабадский горисполком. Вот смотрите, что он пишет «В 1937 году меня сдали в детдом на Украине. Расстреляли моего отца, Ташназарова Араза (почему-то не Ораза). Мать, Елизавету Ивановну (а не Ефимовну) не помню. Знаю только, что они работали в редакции в Ашхабаде. Сейчас нахожусь в колхозе, на Украине. Хожу в школу, в 5-й класс. Мне уже 14 лет. Прошу, кто получит это письмо, напишите в ашхабадскую газету о том, что я ищу отца и мать. Их сын Ташназаров Руслан. (Вот видите, даже имя свое не помнил!) Пришлите мне ответ. 31-го октября 1946 года». Однажды Кербабаев Берды Мурадович пришел в горсовет и его спросили: «Ты знаешь Ташназарову?» Он ответил. «Она находится в Москве сейчас. Имеет связь с Союзом писателей СССР. У нее очень много знакомых писателей, и она там бывает очень часто. Перешлите туда письмо». И переслали. Тогда оно и попало к Аксентьевой, в библиотеку.

Я работала в авиационном институте им. Орджоникидзе в Москве. И как-то раз очень затосковала, пошла в Туркменское постпредство. Увидела там Гулю Мухамедову, жену бывшего секретаря ЦК (он тоже был арестован)ю она приехала защищать диссертацию. Я ее повела к себе посмотреть, как я живу. Я «снимала койку», как выражались тогда, за 300 рублей и на этой железной койке спала со своей дочерью. Гуля мне говорит: «А ты

знаешь, здесь Кербабаев». «Ну, и что?» «Хочешь, – говорит, – чтобы тебе он позвонил на работу? Дай телефон». Ну, я и дала ей телефон. Прихожу на следующий день на работу. Вдруг звонок. «Лиза!» Я говорю: «Берд,ы это вы?» «Я. Знаешь, твой сын жив! Приходи в Союз писателей. У Аксентьевой письмо». У меня упала из рук телефонная трубка. Я потеряла сознание. Долго меня приводили в себя.

Двадцать лет носила я фамилию Ташназарова, двадцать лет стояло на мне страшное клеймо. А детям, а родным каково было? После ареста мужа всех его братьев репрессировали. Отец Ораза ходил из аула в аул несколько лет, так как и его хотели арестовать. Два брата погибли, а старший брат Акмурад вернулся. Теперь он уже умер. Его дети меня навещают. А две сестры Ораза живы: одна – в Мары, другая – в Теджене.

Ташназарова обвиняли в национализме. Какой он националист? Так я и говорила, когда меня вызвали на допрос: «Какой он может быть националист, когда он женился на мне – русской!». Сидели мы в одной камере с женой Курбана Сахатова, Екатериной Васильевной Чернухой. Он работал заместителем председателем Совета Народных Комиссаров ТССР. У нее остался сын. Фредик, Фридрих. Они потом жили в Фергане. Я у них там была в гостях уже много лет спустя, в 1958 году. потом она к нам в Ашхабад приезжала. Так вот, Фредик у нее был старший, а младшего тоже потеряла, как и я. А что ему было-то – всего восемь месяцев. Отняли от груди, сдали в детский дом, и он там умер.

После XX съезда КПСС я обращалась во многие инстанции. У меня все эти заявления есть. Вот например, в ЦК КПТ: «Прошу восстановить в партийном отношении Ораза Ташназарова, пишу от имени своей дочери и от своего сына…» А вот ответ:

«Сообщаем, что по Вашему заявлению Бюро ЦК КПТ 18 марта 1959 г. приняло постановление реабилитировать Ташназарова Ораза в партийном отношении.

Назаров, председатель парткомиссии ЦК КПТ».

А вот выписка из протокола № 2 расширенного правления Союза писателей ТССР от 6 февраля 1959 г.

«Присутствовали Сейтлиев, Сейтаков, Атаджанов Халдурды, Эсенова, Курбансахатов, Кербабаев, Ковусов. Слушали: О

восстановлении члена Союза писателей тов. Ташназарова Ораза.
Постановили: Принять к сведению, что тов. Ташназаров Ораз 24 октября 1957 года военной коллегией Верховного Суда СССР полностью реабилитирован. Восстановить его посмертно в правах члена СП ССР. Поручить Литфонду ТССР направить Литфонду СССР необходимые документы для оформления пособия детям Ташназарова Гульнаре и Арслану. Председатель СП ТССР Сейтлиев».
У меня сохранился принадлежавший Оразу членский билет Союза писателей СССР № 79 от 1-го июля 1934 года, подписанный Горьким. Когда Ташназарова реабилитировали, меня вызвали в МВД и отдали этот билет.
Сын наш Арслан живет в Магадане. Дочь Гульнара – в Москве. Она врач, закончила мединститут здесь в Ашхабаде. У нее двое детей. Дочь – логопед, сын – военный химик. У обоих уже давно свои семьи, дети. Так что я имею троих правнуков. Сын Арслана Владимир Арсланович Ташназаров живет в Симферополе. Учится в институте и работает на стройке.
А я пока живу. Мне 76 лет. До ухода на пенсию проработала в медицинском книжном магазине 14 лет, сейчас прихварываю, но когда мне полегче, ко мне приходят люди. Я с ними разговариваю, вспоминаю… Вспоминаю самые тяжелые годы жизни, и это на мне очень, очень отражается. Но ведь все это можно и нужно перетерпеть, лишь бы успеть рассказать о пережитом.
Все претерпела. И все еще живу!

А.Чуриев.

«Туркменская искра» 21-23.05.1989 год. Ýatlamalar